

Особенности институционализации советской этики в период с 1960-1970 гг.

Гусейнова Вера Фаридовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия

E-mail: tchock21@gmail.com

Впервые этика получает статус легитимной дисциплины в 1960 году, когда создаётся сектор этики в Институте Философии. До этого момента этики в СССР не было. Первые марксисты, начиная с самого Маркса, а затем Ленин, Бухарин, отчасти Луначарский, отрицали мораль. Маркс напрямую выдвигал тезис о том, что мораль противопоставлена коммунизму. Ленин охотно цитировал Зомбарта: "В морали нет и грамма этики" [1]. Что же должно было измениться, чтобы официальный марксизм признал положительный статус морали общественной жизни?

Этика стала продолжением политики, в рамках которой осуществлялась попытка разжигания тисков классового подхода в постсталинский период. Именно в пространстве советского преодоления классового через общечеловеческое, впервые возникает этическая поддисциплина. Если зафиксировать несколько хронологических точек в институционализации этики, мы получим следующую картину. Новой вехой после 1960 года, становится выход в 1961 году морального кодекса строителя коммунизма. В 1969 году на философском факультете этика эмансипируется от эстетики и получает статус самостоятельной дисциплины [2]. Но это «твёрдые» формы институционализации, характерные для всех философских поддисциплин. Для этики крайне важна линия «мягкой» институционализации: через сборники и конгрессы, в которых принимают участие в т.ч. люди, не состоящие в философских учреждениях. Как правило, эти конгрессы и сборники проводятся и издаются не в центральных учреждениях, а на периферии: в Грузии, Прибалтике. Именно благодаря менее жесткому контролю на периферии такие советские этики как, Дробницкий, Мильнер-Иринин, Егидес в своих работах в более явной форме пытаются преодолеть классовый подход 1930-х, задавая универсалистский вектор.

В чем выражается этот поворот? Если сопоставить характеристику классовой морали из работы Луначарского [3: 22-36] и определение из труда Мильнера-Иринина [4: 313], то мы увидим следующее. Если в первом случае мы имеем полностью классовое определение морали, то во втором, хотя элементы истматовского языка также сохраняются, вводятся еретические конструкции, как «свободная мысль» и «природа человека», которые отсылают уже не к классово-историческому, а к внеисторическому и универсальному основанию. Этика представляет собой, вероятно, наиболее чистое в советской философии выражение этого поворота.

Очевидно, что поворот вызывает сопротивление у философского истеблишмента сталинской школы. В этой связи следующий важный вопрос: кто начинает заниматься этикой, каковы особенности биографических траекторий первых этиков? Моя главная гипотеза заключается в том, что за разработку новой системы нравственности берутся преимущественно люди с неровными академическими и биографическими траекториями.

Ярким примером служит Яков Мильнер, участник философской дискуссии 1947 года, по итогам кампании против космополитизма оставленный властями на 15 лет без средств к существованию и без возможности публиковаться. Лишь в 1963 году ему удалось выпустить 60 экземпляров книги на правах рукописи. Это был труд всей жизни под названием «Этика или принцип истинной человечности», который он писал с 1931 года. И лишь в 1967 году ему удалось опубликовать две статьи: одна из них, «Этика - наука о должном»

в сборнике «Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики». Этот сборник опубликован не в Москве, а в Тбилиси, то есть на периферии.

Другой показательный пример представляет Петр Егидес, известный диссидент. Куда менее известна его деятельность философа-этика. В 1964 году он защитил диссертацию «Проблема смысла жизни». А до этого был арестован после немецкого плена. Второй раз он был арестован уже после защиты, за попытку "построить подлинный социализм в отдельно взятом колхозе" [7] и критику советского строя. Разочарованный в советском социализме на собственном опыте работы в колхозе, в 1959 году он написал две статьи: «Единственный выход» и «Основное противоречие социализма». В них Егидес доказывал, что подлинный социализм в нашей стране не был построен, поскольку социализм и демократия в их подлинности невозможны друг без друга. После освобождения он не мог работать на философских факультетах и при этом пользовался признанием среди этиков. Свою последнюю книгу «Философ в колхозе» ему удалось опубликовать в 1998 году, после возвращения из французской эмиграции.

Можно привести несколько более академических, «умеренных» биографий. Однако и в этих случаях этика оказывалась интеллектуальной практикой, которая всерьез расходилась с истматом или прямо ему противостояла. Это и случай первого профессионального этика Дробницкого, и социолога и культурного посредника Игоря Кона, которые активно переносили западные подходы в советский контекст.

Можно с полным основанием предположить, что этикой с начала 1960-х начинали заниматься люди с неровными биографиями или те, кто был биографически склонен к реформизму и плохо «совместим» со сталинской ортодоксией. Именно это сделало основной чертой всех этических теорий антитезу сталинской партийности, то есть утверждение общечеловеческого.

Источники и литература

- 1) А.А. Гусейнов. Марксистские традиции в этике. 2000. Тюмень, 2000.
- 2) В.Н.Назаров. Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990) // Этическая мысль. 2003. №4. С.179-198.
- 3) А.В.Луначарский. Пролетарская этика. Харьков, 1923.
- 4) Я.А.Мильнер-Иринин. Этика или принципы истинной человечности. М., 1963.
- 5) А.А. Ивин. Энциклопедический словарь. М., 2004.